

Цю Фу, услышав этот вопрос, опустила голову и начала размышлять. После инцидента с падением в воду госпожа Синь всегда отправляла людей следить за двором Жунли. Поэтому после ухода матушки Цзинь она также внимательно наблюдала за двором Жунли. Внезапный выкидыш госпожи Синь и подозрения в отношении двора Жунли были совершенно нормальными. Услышав это, она испугалась, подумала и тихо ответила:

— Княгиня, в последние дни Четвертый молодой господин находился во дворе. Матушка Минь могла только передавать одежду, и люди вокруг него не контактировали с двором. Также люди старшей дочери сообщили сегодня утром, что они пригласили третьего молодого господина из третьей семьи, и сейчас они, вероятно, пьют чай и едят сладости.

Госпожа Синь, услышав это, почувствовала, как в груди поднялась тяжесть. Она знала, что Гу Чжису вряд ли смог бы подстроить что-то в таком защищенном дворе, как Линьцзян. Но она была настолько осторожна с едой и всем остальным, что это прошло через множество проверок. Она не должна была потерять ребенка!

Теперь, когда Гу Чжису был вне подозрений и даже не имел возможности что-то сделать, кто же тогда навредил ей?

— Если не он... то кто?

Цю Фу, увидев, как лицо ее хозяйки меняется, не осмелилась напомнить ей, что именно Гу Хайтан толкнула ее, из-за чего она потеряла сознание. Пока госпожа Синь сама не нахмурилась, достала из-под подушки темно-фиолетовый ароматический мешочек и долго смотрела на него, заставляя Цю Фу нервничать. Затем госпожа Синь передала ей мешочек, и на фоне ее бледного, как бумага, лица, ее голос стал еще более зловещим:

— Возьми этот мешочек и покажи его врачу!

Цю Фу, даже зная, что это может произойти, все равно почувствовала, как у нее мурашки побежали по коже. С одной стороны — госпожа Синь, с другой — старшая дочь. Она была всего лишь служанкой, и кто бы ни был виновен, она не могла никого обвинять. Она могла только осторожно напомнить:

— Княгиня, но этот мешочек сделала старшая дочь...

— Я сказала тебе идти, зачем ты говоришь лишнее?! — Глаза госпожи Синь уже полностью покраснели, и из-за потери ребенка ее рассудок почти исчез. Но внешне она казалась совершенно спокойной, и ее приказы были четкими. Она не только передала ей мешочек, но и указала на множество других вещей, включая румяна на столе и одежду, которую она недавно носила. — Не только этот мешочек, но и все, что я ела и использовала в последнее время, одежду и румяна, все отнеси врачу!

Цю Фу, сжимая мешочек, чувствовала, что произойдет что-то плохое, но не могла послушаться, только с тревогой ответила:

— Да, княгиня.

Госпожа Синь смотрела, как Цю Фу уходит. Несмотря на то, что она была крайне слаба после выкидыша, служанки в этой напряженной атмосфере и под ее острым взглядом не осмеливались подойти и уговорить ее отдохнуть. В комнате было тихо, только слышалось капание воды.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем за дверью раздались поспешные шаги. Первой вошла Цю Фу, но, по какой-то причине, ее лицо было таким же бледным, как у госпожи Синь на кровати. Увидев свою хозяйку, она сразу же упала на колени. Мешочек, который она держала в руках, теперь исчез.

Госпожа Синь, увидев, что мешочек пропал, почувствовала, как у нее потемнело в глазах. Она поняла, что ее догадка, возможно, была верной. Ее голос начал дрожать, но она сдерживала свой страх, словно ничего не знала, и спросила:

— Ну что, что-то нашли?

Цю Фу уже получила ужасный результат, и теперь, услышав вопрос, опустила голову, не смея говорить. Госпожа Синь видела только темный затылок, и ее сердце разрывалось от боли, а другая половина будто опустела, выпуская холодный ветер. Ее голос уже не был таким мрачным:

— Ну говори же!

Услышав эти слова, старшая служанка дрожа подняла голову и, заикаясь, ответила:

— Княгиня, врач и врач дворца находятся снаружи, и они единогласно заявили, что на мешочке, кажется, есть запах мускуса!

Госпожа Синь, услышав это, словно пораженная молнией, вся задрожала и рухнула, бормоча:

— Правда?

Цю Фу тоже не ожидала такого результата и на мгновение онемела, лишь спустя некоторое время смогла прийти в себя и, подползая ближе, тихо сказала:

— Княгиня... Вы...

— Позови Хайтан сюда. Сейчас я уже потеряла ребенка, скажи ей, что я умираю, и, несмотря ни на что, приведи ее сюда! Я хочу видеть ее немедленно!

Но прежде чем ее слова закончились, госпожа Синь, словно очнувшись, с еще более яркими красными глазами, но уже спокойным голосом, который пугал, отдала приказ:

— И еще, всех, кто контактировал с ней в последнее время, будь то служанки или слуги, и матушку Цзинь... немедленно задержать и допросить. Выяснить, откуда взялся мускус!

Цю Фу, услышав, что она говорит о своей смерти, почувствовала, как у нее по спине побежали мурашки, но не осмелилась послушаться, только, дрожа, ответила:

— Да, княгиня.

Когда Цю Фу, дрожа от страха, с двумя служанками подошла к охранникам, которые держали Гу Хайтан под замком, она угрозами и обещаниями заставила их открыть замок. Ее взгляд упал на тонкую линию крови, оставшуюся после выкидыша госпожи Синь, и она внезапно успокоилась.

Низко поклонившись, она попросила Гу Хайтан, которая плакала, выйти. Пройдя за ней, Цю Фу обменялась взглядами с двумя служанками, затем опустила голову и молча смотрела, как Гу Хайтан входит во двор Линьцзян. Открыв дверь, она осталась на месте, не войдя внутрь, чтобы

услышать разговор матери и дочери, и только вздохнула с облегчением.

Гу Хайтан не заметила ничего странного в поведении Цю Фу. Ее глаза были полны страха, и, войдя в комнату, она увидела госпожу Синь на кровати. Слезы покатались по ее щекам, и она бросилась к ней, упав на колени и схватившись за ее одежду, всхлипывая:

— Мама... Мама, как вы? Я видела кровь снаружи и чуть не умерла от страха, вы...

Госпожа Синь, увидев ее на коленях, с еще не успевшими исчезнуть красными глазами, подняла руку и погладила ее по щеке, вдруг спросив зловещим голосом:

— Хайтан, мама потеряла ребенка. Ты расстроена?

— О чем вы говорите? — Гу Хайтан, услышав это, словно не ожидая такого вопроса, в глазах мелькнула паника, но она быстро опустила взгляд, чтобы госпожа Синь ничего не заметила, и с плачем ответила. — Конечно, я расстроена, что мой брат или сестра умерли!

Но, несмотря на ее попытку скрыть, госпожа Синь уже заметила ее реакцию. Она почти мгновенно поняла, что это Гу Хайтан что-то подстроила, а не кто-то другой. Убедившись в этом, ее глаза вылезли из орбит, а на висках выступили вены. Она схватила Гу Хайтан за плечи, вонзив ногти в ее одежду, почти вырывая кусок мяса, и с яростью сказала:

— Хайтан, ты знаешь, что на этом мешочке, который ты сделала, есть вещество, вызывающее выкидыш?!

— Что?! — Гу Хайтан, с детства никогда не видела такого страшного выражения у госпожи Синь. Она, из-за своей вины, даже несмотря на боль, которая почти заставила ее закричать, сдержалась, покрываясь холодным потом, и испуганно оправдывалась. — Это невозможно! Мама, как это возможно? Вы же моя родная мама! Ребенок в вашем животе — мой родной брат или сестра! Как я могла дать вам мешочек с мускусом?!

— Я тоже сомневалась, думала, что этот маленький ублюдок через матушку Минь хотел навредить мне.

<http://bllate.org/book/16652/1526105>